

К. К. ЗЕЛЬИН

О ПОСТРОЕНИИ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА В «ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА» АН СССР

Осуществление плана издания «Всемирной истории» явится важным моментом в развитии советской историографии. Перед советскими историками стоят ответственнейшие задачи как в смысле овладения фактическим материалом, так и в отношении методов его разработки. Правильное разрешение этих задач требует объединения и дружной работы всех советских исследователей, изучающих источники по истории самых различных стран и эпох. Только при условии такой дружной работы можно надеяться на процветание той науки, «которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки» (Сталин).

В области древней истории много было сделано у нас за последние 20 лет, но в дальнейшем предстоит еще более настойчивая, систематическая работа над трудными, сложными и важными проблемами истории древнего мира. В прежних работах нередко давалась слишком схематическая и поверхностная характеристика отдельных моментов истории древних обществ; действительно научное решение проблем заменялось категорическими, но не всегда убедительными высказываниями; некоторые вопросы вовсе не затрагивались. В этом отношении работа над соответствующими отделами «Всемирной истории», несомненно, должна привести к более углубленной постановке и более правильному решению вопросов истории древнего Востока, Греции и Рима.

В общем изложении истории древней Греции эпоха эллинизма занимает важное место. Это место обусловливается ее историческим значением. Эллинистическая эпоха представляет чрезвычайно сложную картину развития, характеризующегося обострением классовой борьбы, быстрой сменой событий, бурными политическими и военными столкновениями, появлением своеобразных учений, важными техническими изобретениями и т. д. Македонское завоевание создало новые условия для развития стран Востока и самой Греции. Высочайший внутренний расцвет Греции, по выражению Маркса, совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет—с эпохой Александра¹. Множество новых греческих городов возникло на территории Малой Азии, Сирии, Междуречья, на пустынных пространствах Средней Азии. Эта колоссальная экспансия греков и греческой культуры в страны Востока приводит к явлениям некоторого хозяй-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, 1928, стр. 194.

ственного и культурного прогресса в отдельных областях эллинистического мира, но не может задержать греческое рабовладельческое общество от дальнейшего падения: через какие-нибудь полтора-два десятилетия после возникновения «мировой державы» Александра Македонского эллинистические государства приходят в упадок, выдвинулась и получила уже преобладание новая могучая сила в Средиземноморье—Рим.

Необычайно сложны и интересны экономические, политические и культурные связи эллинистического мира. Они идут далеко на восток, к Индии и Китаю; изучение их начала и предпосылок уводит нас в глубь веков, в мир древних государств Востока: Египта, Вавилона, Ассирии и др. С другой стороны, развитие эллинистической эпохи имело великое значение для истории Рима, беспощадно эксплуатировавшего население покоренных им стран и широко воспользовавшегося их богатым культурным наследием. Если прибавить к этому, что по истории эллинизма мы располагаем такими источниками, которые отсутствуют для предшествующих периодов,—папирусами; что здесь мы имеем возможность познакомиться иногда в мельчайших деталях с формами эксплуатации широких масс населения, с характером классовой борьбы, с административной практикой, религиозными понятиями, литературными вкусами и пр.; что сохранились целые архивы, содержащие сотни документов по социально-экономической истории Египта этого времени, то делается понятным тот интерес, который возбуждает изучение этой эпохи. Это изучение дало уже богатейшие результаты для понимания хода исторического развития античного мира и должно дать еще больше в будущем.

Прежде всего возникает вопрос о рамках изложения в пространстве и во времени. Новейшие исследования показали, как был велик размах греческой колонизации Востока и какое важное значение имели отдельные страны эллинистической эпохи с их своеобразными особенностями. Поэтому было бы неправильным ограничивать изложение рамками одной какой-либо из стран, хотя бы и наилучшим образом нам известной, как поступил, например, в свое время Jouguet в своей книге «Македонский империализм и эллинизация Востока». Он дал в ней, помимо общего очерка завоеваний Александра Македонского, войн диадохов и внешней политики эллинистических государств в III в. и в начале II в. до н. э., в сущности лишь более или менее подробную характеристику строя эллинистического Египта (4-я часть). Jouguet мотивировал это тем, что «историк зависит прежде всего от своих источников, а Египет является страной, которая сохранила самые богатые и точные документы о своем прошлом». Но эти соображения, по существу правильные, не должны приводить к указанному ограничению рамок исследования. Это исследование должно охватить весь эллинистический мир. Поэтому вполне правильно в схеме Института истории Академии наук намечаются в широком масштабе основные линии развития во всех эллинистических странах. Такие рамки редко можно встретить в существующих работах. Даже в таком широко задуманном труде, как «Cambridge Ancient History», не дается полной и цельной картины развития эллинистической эпохи. Некоторые важные моменты в истории этого времени (например эллинское влияние в Индии) почти не затрагиваются, а главное—история эллинистических государств излагается параллельно с историей Рима *ab urbe condita*, что и мешает до известной степени цельности впечатления. Конечно, спорной является последовательность в изложении при переходе от одной страны к другой. Так, например, нам кажется, что историю Сирии

в эллинистический период лучше рассматривать в связи с историей царства Селевкидов, так как эти области были тесно связаны друг с другом. Для характеристики эллинистического общества, его экономики и культурных связей большое значение имеют памятники Причерноморья и северных областей Балканского полуострова. Значение этой части эллинистического мира признают и авторы некоторых новейших руководств по истории эллинистической эпохи, например С а r y («A History of the Greek world from 323 to 146 b. c.»), который посвятил особую главу (VII—«Russia and the Balkan lands») области Понта. Однако, С а r y дает очень беглый обзор. Археологические, эпиграфические и литературные данные, характеризующие состояние Северного Причерноморья в эллинистическую эпоху и представляющие большой интерес, использованы им недостаточно. В томе по истории эллинизма во «Всемирной истории» эти данные могут и должны быть разработаны с большой полнотой.

Если принципиально правильными являются возможно более широкие географические рамки истории эллинизма, то надо признать, что в этом размахе таится и некоторая опасность, которая должна быть преодолена: экстенсивность изложения в известных случаях может привести к недостаточно углубленному освещению исторических фактов, к изложению, главным образом, военно-политической истории ввиду преобладания именно этого материала по некоторым странам. Этого дефекта, надо думать, не будет в советской «Всемирной истории», которой должно быть присуще глубокое понимание процесса развития общества, рассмотрение внешней политики, военных столкновений и пр. на основе анализа главных моментов социально-экономического развития. И с этой точки зрения, хотя в истории эллинизма необходимо избежать «панегиптизма», преувеличения значения Египта в III—II вв. до н. э., все же историю его возможно и следует осветить более подробно, чем историю других стран эллинистической эпохи, не потому, что Египет играл главную роль в течение всей этой эпохи, а потому, что состояние источников по Египту позволяет глубже затронуть многие вопросы, важные и характерные для всего эллинистического мира. Более простым представляется вопрос о хронологических рамках эллинистической эпохи. Конечно, грани в этом отношении могут быть лишь очень условны, но все же они необходимы. Такой гранью здесь является македонское завоевание и крушение Персидской державы, а не случайный факт смерти Александра в 323 г. до н. э. Уже в процессе завоевания Востока проявляются те социальные силы, действие которых полностью обнаруживается в последующие десятилетия. Доведено должно быть изложение, согласно схеме Академии наук, до римского завоевания включительно. Действительно, *terminus ad quem* здесь—захват Египта Октавианом в 30 г. до н. э. Нельзя считать решающей датой 146 г. до н. э., как это делают некоторые авторы (например С а r y. См. также С о h e n—*La Grèce et l' Hellénisation du monde antique*, 1934, p. 407), так как многие, и притом характерные, явления социально-экономической и политической жизни эпохи упадка эллинизма мы наблюдаем в конце II в. и в I в. до н. э., и 146 год до н. э. представляется гранью лишь в истории Македонии и Греции, но не стран эллинистического Востока.

По возможности всесторонне должен быть освещен вопрос о причинах и движущих силах завоеваний Александра, о чем нельзя говорить попутно, при изложении походов Александра; этому вопросу должна быть отведена особая глава. Поход Александра против Персии представляется одним из результатов истории IV в., и притом не только Македонии, но

и Греции. Движение к завоеванию Азии было подготовлено всем ходом социальной истории Греции после Пелопоннесской войны. Решающую роль здесь сыграли не усилия отдельных личностей, не хитроумные планы Филиппа II или отвага Александра, но общее положение в Греции, взаимодействие греческих полисов и Македонии, состояние Персидского государства. По этому вопросу все еще приходится встречаться с преувеличениями¹.

Обострение классовой борьбы в Греции обусловило образование громадной резервной армии. Недостаток земли, обеднение широких масс толкали на помыслы о захвате богатого Востока. Экономическое развитие IV в. создавало силу торговых и военных элементов, искавших поля деятельности на Востоке. В Греции возникали обширные завоевательные планы, длительная подготовка захвата Азии велась в современной публицистике. Несомненно, греко-македонское завоевание явилось громадным сдвигом, но в направлении, уже намеченном предшествующим развитием. В этом отношении IV век до н. э., имеющий характер переходной эпохи, позволяет проследить в отдельных областях жизни греческого общества условия, которые привели к этому сдвигу. Четвертый век — не только заключительный аккорд классической эпохи, но и предистория эллинизма, и с этой стороны заслуживает подробного изучения. Если даже история IV в. будет рассматриваться в иной связи в предшествующих отделах шеститомника по истории древнего мира, то в начале тома, посвященного эллинизму, следует выяснить итоги этой истории как переходного времени между классической и эллинистической эпохами, как периода подготовки эллинизма. Этот вопрос связан с общим пониманием эллинизма. Обыкновенно эллинизм определялся довольно обще, как слияние восточных и эллинских элементов. Так понимали, например, его в свое время Judeich², один из первых пытавшийся проследить «предисторию эллинизма» в Малой Азии, Пельман в своем «Очерке греческой истории» и многие другие.

Tarn в новой работе об эллинистической культуре («The Hellenistic Civilization») дает еще более общее определение: «Эллинизм это т о л ь к о удобное обозначение для цивилизации трех веков, в продолжение которых греческая культура распространялась далеко за пределы родины» (стр. 2). Но такое определение представляется недостаточным. Необходимо в него внести большую четкость, что может быть достигнуто только выяснением реальных основ эллинистической культуры, социально-экономических условий возникновения и развития эллинистического общества. Переход от эллинской к эллинистической эпохе не был лишь сменой господствующих национальностей или процессом «слияния рас» («the fusion of races», САН, v. VII, preface), но являлся перестановкой в социальных отношениях и изменением хозяйственной жизни. Необходима общая характеристика основных моментов социально-экономического развития эпохи эллинизма. Совершенно невозможно начинать изложение ex abrupto, как делают авторы упомянутых уже трудов, например Caru, начинающий изложение следующими словами: «Внезапная смерть Александра в июне 323 г. поставила его сотоварищей перед положением, которое не было совершенно предусмотрено». Или Jouguet (ук. соч., стр. 1): «Удар кинжалом, который в конце 336 г. пора-

¹ См., например, С. А. Жебелев — Древняя Греция, ч. II. Эллинизм, П. 1922, стр. 94: «То, чего всей греческой нации, даже в ее совокупности, вряд ли удалось бы сделать, совершил один человек — Александр Македонский».

² См. его книгу «Kleinasiatische Studien».

зил Филиппа Македонского, казалось, мог потрясти могущество царства и уничтожить планы войны в Азии», и т. д.

В рамках общей характеристики эпохи или в отдельной главе необходимо остановиться на предпосылках македонского завоевания и, следовательно, на итогах политического развития IV в. до н. э. С другой стороны, успехи греков непонятны без выяснения характерных черт Персидского государства в период, непосредственно предшествующий установлению господства македонян.

Эпоха эллинизма заканчивается римским завоеванием. Рим как важный фактор в истории Восточного Средиземья выступает уже в III в. до н. э.

В некоторых изложениях истории древнего мира включают в историю эллинистического периода рассказ о судьбах Рима и характеристику римского общества этого времени. Так, в «Cambridge Ancient History» (т. VII) дается в связи с историей эллинизма история Рима до 217 г. до н. э. (так же, как для эллинистических государств). Эта грань является искусственной. В сущности, ничего не произошло в 217 г., что бы оправдывало выбор этой грани. Битва при Рафии имела важное значение для взаимоотношений между царствами Птолемеев и Селевкидов, но не для всего мира Средиземья. Если учитывать влияние Рима, то скорее можно было бы взять за предел несколько более позднее время, около 200 г.—начало решительного выступления Рима на Востоке как преобладающей силы. Однако и это преобладание было окончательно установлено в результате ожесточенной борьбы в течение II в. до н. э. При включении римской истории в VII том САН совершенно не выдерживаются хронологические рамки: глава XI говорит об основании города Рима, глава XII—о царском периоде и т. д. Все это объединено чисто внешним образом с остальным содержанием тома. В VIII томе история Рима еще более преобладает. Изложение доводится до 133 г. до н. э., т. е. до реформы Т. Гракха и образования провинции Азии. Но для эллинистического мира и эта дата не является решающей. Однако, с другой стороны, нельзя ограничиться только изложением истории отдельных стран; необходимы общие обзоры положения во всем эллинистическом мире. Таких обзоров следовало бы дать 2—3. Один из них дается обыкновенно в рассказе о войнах диадохов. Небесполезен был бы обзор эллинистических стран для середины III в. до н. э., и, конечно, очень нужна была бы такая общая характеристика для II—I вв.—периода римской экспансии на Восток и решающего влияния Рима на политику и судьбы эллинистических государств. Нельзя ограничиться указанием в конце каждой главы на успех Рима. Необходимо подвести общие итоги римской политики на Востоке. Это тем более желательно, что имеются новые специальные работы по этому вопросу (Hornblow, Otto и др.). Таким образом сохранилась бы и цельность содержания тома, обусловленная социологическим единством изучаемых явлений, и в то же время не было бы изолированного рассмотрения истории отдельных государств, а был бы общий обзор всемирной истории на определенном отрезке ее. Сводная глава на тему о римском завоевании подытоживала бы содержание глав об отдельных эллинистических государствах во II—I вв. до н. э. и их падении.

Понятно, что советская «Всемирная история» не может являться обзором военно-политической истории, что авторы ее должны дать более или менее подробную картину социально-экономического развития эпохи. Ведь недостаточно наметить главные черты этого развития в общей характеристике эллинизма; социально-экономические моменты в истории

этой эпохи должны быть выдвинуты, по мере возможности, в главах, разрабатывающих конкретный материал. Именно для эллинистического мира, ввиду состояния источников, углубленное изучение социально-экономических явлений более возможно, чем для других периодов в истории греческого общества, но это, конечно, трудная задача, требующая большой предварительной работы и хорошо продуманной программы. Здесь нельзя ограничиться заголовком «Социально-экономический очерк» или «Экономика», а необходимо заранее наметить вопросы, доступные для разработки. Между тем, многие основные проблемы социальной истории эпохи эллинизма не разрешены и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Нелегко выявить отдельные характерные черты социальных отношений и быта, рассеянные в многочисленных эпиграфических памятниках, отрывочных папирологических текстах или в сообщениях позднейших писателей, передающих нередко в искаженном виде известия более древних авторов; нелегко собрать эти детали так, чтобы получилось стройное целое. Особенно трудно это сделать для рассматриваемой эпохи в жизни древнего общества, столь многообразной в ее проявлениях. Но какой иногда яркий свет на это общество, на борьбу, которая происходила в нем, проливает краткая надпись или даже отдельное выражение.

В истории эпохи эллинизма громадное значение имела колонизация. Часто излагают отдельные моменты ее лишь в истории того или иного государства (например, государства Селевкидов), но этого недостаточно. Необходимо дать общий обзор процесса основания новых городов на Востоке и на Балканском полуострове. Передвижение греческого населения в конце IV в. до н. э. было прежде всего движением военных элементов, но вместе с ними и под их защитой двигались торговцы, ремесленники, дельцы всякого рода, авантюристы. Все эти разнообразные социальные элементы оседали по пути в том или ином городе или составляли кадры для заселения новых городов. Основание городов—результат и в то же время основа эллинизации Востока. Структура греческих поселений эллинистического времени должна быть освещена достаточно глубоко, а распространение—достаточно полно. В общих работах по истории эллинизма (хотя очерк «*Städtegründungen*» был уже в «Истории эллинизма» Дройзе на) этот вопрос обыкновенно разрабатывался недостаточно. В специальной работе Черикова на эту тему («*Die hellenistischen Städtegründungen*») собран добросовестно материал об основании городов, но освещение этого материала и характеристика социальной структуры эллинистического города схематичны, неярки; автор не рассматривает своей темы в широком историческом аспекте, не устанавливает тесной связи вопроса о колонизации с основными тенденциями социально-экономического развития эпохи.

Следует остановиться и на другом моменте. Авторы руководств по истории эллинизма обыкновенно давали общую характеристику государства и общества в Египте или в государстве Селевкидов, а иногда и вообще в эллинистическом мире. Эти характеристики охватывают все века существования эллинистических государств. Так же нередко поступали и авторы специальных работ. Нам кажется, что и для Египта и для других государств следовало бы сильнее выдвинуть мысль о различии периодов расцвета III в. и постепенного падения—II—I вв. до н. э. Если мы попытаемся рассмотреть историю птолемеевского Египта как единое целое, оставляя без внимания различные моменты в его эволюции, то утратим правильную историческую перспективу в оценке отдельных явлений. Несомненно, что Египет III в. до н. э. и Египет II—I вв. до н. э. обнаруживают большие

различия в социальном и политическом отношениях, конечно, не такие значительные, как различия греческого и римского Египта, но все же достаточно существенные. Необходимо считаться не только со сложностью социальной терминологии, но и с возможностью ее изменения с течением времени.

Годы борьбы и падения когда-то могущественных государств эллинистического Востока представляют захватывающий интерес. Во II и I вв. до н. э. все сильнее поднимаются волны социального протеста, грозящие династиям, имущим классам, даже самому Риму. Восстания рабов происходят в разных областях эллинистического мира: на о. Делосе, в Аттике, в Пергаме, в Сицилии. В Египте усиливается социальное движение, в котором принимают участие царские земледельцы (*βασιλικὸι γεωργοί*), ремесленники, воины, бедняки. Оно приводит к бурным взрывам (восстание Дионисия Петосараписа 165 г.), к ожесточенной борьбе с «эллинами» — представителями имущего и образованного класса населения. Это развитие социального движения требует внимательного изучения, от понимания сущности его зависит понимание истории всей эпохи. А что здесь мы встречаемся с грубыми извращениями, об этом свидетельствуют и некоторые авторы новых работ по эллинизму.

Помимо того, что источники эллинистической эпохи освещают многие моменты социальной и политической истории, они содержат громадный материал по культурной истории. Богата и своеобразна культура этого времени. Возникают и развиваются различные школы и направления в литературе, изобразительных искусствах и философии, оживают в новой форме и широко распространяются старинные религиозные верования, появляются новые культы. Изучение сложного материала по культурной истории эпохи эллинизма ведется давно, и в этом отношении «Всемирная история» не может оказаться позади произведений западной историографии. Названная выше работа Тагн'а, сравнительно небольшая по объему, дает довольно полную, хотя и очень сжатую, характеристику отдельных сторон развития культуры на основе разнообразных источников эллинистической эпохи. Но дело, конечно, не в одной полноте обзора, но и в методах решения вопросов культурной истории. В книге Сагу все изложение разделено на две части: первая дает обзор политической истории, вторая — характеристику строя эллинистических монархий, экономической жизни, искусства, науки, религии. С таким механическим делением и суммарным, охватывающим все эллинистические государства, описанием культурной жизни согласиться нельзя. Необходимо охарактеризовать отдельные культурные области эллинистического мира, показать их специфические черты. Материал очень обширен, и его нельзя, нам кажется, разработать в пределах одной главы, охватывающей и технику, и науку, и религию, и искусство, литературу и философию, язык и право (см. схему). Следовало бы наметить, по крайней мере, четыре раздела: 1) по истории материальной культуры, техники, 2) религии, 3) науки, 4) искусства, не пренебрегая этим вопросом о числе глав. И в области культурной истории необходимо учесть две фазы развития, на которые указывалось выше.

История эллинизма представляет громадный интерес и обширное поле для изучения. Правильное понимание этого нового и сложного периода в жизни античного общества должно способствовать дальнейшему развитию исторической науки, той науки, которая «готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (Сталин).